

О.К. Андриющенко*Павлодарский педагогический университет имени А. Маргулана**Павлодар, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>*email: olga_pav_pgpi@mail.ru***Г.А. Орынханова***Казахский национальный женский педагогический университет**Алматы, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0003-1864-1802>*email: gibadat_o@mail.ru*

ТРАНСКУЛЬТУРНОСТЬ В КОЛОНИАЛЬНОЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

Аннотация. В статье исследуется культурный трансфер на материале казахской русскоязычной литературы. Она является результатом колониального и постколониального влияния русской культуры на культуру Казахстана. На основе периодизации Г. Брандта и У. Биттерли рассмотрены различные этапы трансфера культур на примере творчества казахского русскоязычного поэта Бахытжана Канапьянова. В его поэзии наблюдаются результаты нескольких процессов культурного трансфера: проникновения культур, столкновения и внедрения. При столкновении культуры-донора и культуры-реципиента в творчестве поэта генерируются гибридные тексты, написанные на русском языке, но сохраняющие образность, поэтические традиции и эстетику казахской культуры. На этапе внедрения происходит эрозия основных структур культуры-реципиента и, в конечном счете, их разрушение. Произведения Канапьянова этого периода монокультурны, передавая в основном элементы культуры-донора. Часть произведений Канапьянова представляет собой гибридные тексты транскультурной природы, т.е. порождены синкретичной казахско-русской картиной мира поэта. Другая часть произведений Канапьянова является результатом мимикрии под культуру-донора, в них отражается русская картина мира, воспринятая художественным сознанием поэта. В статье также рассматривается творчество других казахстанских писателей колониального и постколониального периода, испытавших на себе процессы культурного трансфера.

Ключевые слова: культурный трансфер, казахская русскоязычная литература, Бахытжан Канапьянов, транскультурность, колониальный и постколониальный период.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления статьи: 27.03.2025

Дата приема в печать: 27.04.2025

Введение

Исследователи М. Эспань и М. Вернер в 1980-е гг., анализируя влияние немецкой философии и литературы на интеллектуальную мысль Франции XVIII–XIX вв., ввели в научный оборот термин «культурный трансфер» (Espagne, Werner, 1988). Культурный трансфер подразумевает перенос в конкретную регионально-культурную среду каких-либо элементов, характерных для другого культурно-географического ареала, и их последующую трансформацию (Мустафаев и др., 2013, с. 12). Историк Урс Биттерли систематизировал формы европейско-трансатлантических культурных отношений и выделил четыре основные модели этого взаимодействия: культурное соприкосновение (Kulturberührung), культурный контакт (Kulturkontakt), культурное столкновение (Kulturzusammenstoß), культурное сращение (Kulturverflechtung). В основе этих четырех моделей взаимодействия лежит функционирование иерархически организованных односторонних и нередко насильственных процессов (Bitterli, 1991, с. 61).

Герман Брандт также предложил свою классификацию этапов «культурного трансфера» (Brandt 2003, с. 127): 1) этап сосуществования (Konvivenz); 2) этап проникновения (Permeabilität); 3) этап внедрения (Insertion). «Конвивенция» означает практически автономное сосуществование двух или более культур без взаимодействия между ними. Под «проникновением» (Permeabilität) ученый понимает взаимодействие двух культур, т.е. начало активного процесса культурного трансфера, при котором элементы культуры-донора начинают активно «проникать» в иную культуру. При этом основные структуры культуры-реципиента не затрагиваются. Третий этап, который Герман Брандт назвал «внедрением» (Insertion), отличается полным доминированием культуры-донора над культурой-реципиентом. Структуры культуры-реципиента подвергаются эрозии и интегрируются в рамки новой культуры. Исследователь выделяет такие черты этой модели культурного трансфера, как интерференция и синкретизм, т.е. наложение «волн» различных культурных влияний, в результате которого возникает синкретическая культура.

В последнее десятилетие термин «культурный трансфер» используется в широком значении: это глобальное перемещение слов, образов, концептов, людей, товаров, финансов, оружия (Greenblatt, 2009). Сегодня необходимо критически осмыслить это понятие и обобщить результаты, полученные в новых социокультурных условиях, чтобы более эффективно применять его в междисциплинарных исследованиях, в межкультурном и транскультурном взаимодействии. Расширяется и географическая сфера исследования культурного трансфера, в нее включаются страны Центральной Азии. Исследование их взаимоотношений с Россией характеризуются как колониальный и постколониальный научные дискурсы (Абашин, 2008; Мустафаев и др., 2013; Культурный трансфер, 2013).

Мы применили периодизацию культурного трансфера Брандта, дополненную периодизацией У. Биттерли, к анализу взаимоотношений казахской и русской литературы как части своих этнических культур с середины XIX до начала XXI веков. В соответствии с теорией Хельги Миттербауэр русская культура

является культурой-донором, казахская культура – целевой культурой, или реципиентом (Mitterbauer, 2003). Посредником (Mittelgruppe) в этом процессе выступает государство – с середины XIX века по 1917 год Российская империя, затем Советский Союз с 20–30-х годов XX века, с 1990-х годов Российская Федерация – со всеми своими институтами: политическими, идеологическими, образовательными, культурными, медийными. Маттиас Мидделл относит к посредникам, помимо государства, людей и инстанции, вовлеченные в процесс культурного трансфера, взаимодействующие с обеими культурами (Middell, 2000, с. 19).

Материал и методы

Материалом исследования являются поэтические произведения казахского русскоязычного поэта Бахытжана Канапьянова, изданные в двухтомнике 2011 года.

В качестве основного используется структурный метод, с помощью которого устанавливаются особенности поэтики Канапьянова, хронотопа, сюжета, системы персонажей. Не менее значимым методом является сопоставительный анализ, при котором сравниваются две поэтические традиции: русская и казахская, две образные системы. Он позволяет обнаружить сходство и различие между произведениями, написанными с транскультурной точки зрения и с монокультурной точки зрения.

Результаты и обсуждение

1. Культурный трансфер в казахской литературе колониального и постколониального периодов

Литература как часть казахской культуры подвергается культурному трансферу, она проходит, по Брандту и Биттерли, этапы сосуществования, проникновения, столкновения и частично этап внедрения. Этап сосуществования (Konvivenz) двух культур длился примерно с середины XIX века до его конца, когда обе культуры сосуществовали параллельно, особо не соприкасаясь друг с другом. Отдельные факты этого периода, такие как переводы Абая некоторых произведений Пушкина и других русских поэтов, научные изыскания Шокана Уалиханова для Русского географического общества, не могут свидетельствовать о системном соприкосновении обеих культур, но они заложили предпосылки для дальнейшего этапа культурного трансфера – проникновения (Permeabilität), по Брандту, или культурного контакта и культурного столкновения, по Биттерли. Литературный процесс этого периода характеризуется развитием казахской письменной литературы и устно-поэтических традиций. Это время, когда творили Абай Кунанбаев, Шакарим, Ибрай Алтынсарин, Султанмахмуд Торайгыров и многие другие казахские писатели и поэты.

Пассивный период сосуществования двух культур заканчивается, и с начала 20–30-х годов XX века русская культура-донор, ее элементы при активном посредничестве советской власти начинают проникновение в казахскую культуру-реципиент. Биттерли справедливо называет один из этапов культурного трансфера столкновением. Чуждые элементы двух культур находятся в процессе борьбы, однако основные структурообразующие элементы культуры-реципиента сохраняются. В частности, казахский язык сохраняет свою ведущую роль в коммуникации и культуре казахского населения. Однако, именно в этот период посредник культурного трансфера – государство, т.е. Советский Союз начинает проводить интенсивную политику русификации, постепенно ограничивая сферы функционирования языка целевой культуры. Оба этапа казахско-русского культурного трансфера приходятся

на колониальный период, который заканчивается в начале 90-х годов XX века.

С.Н. Абашин пишет о том, что в советское время была осуществлена «масштабная программа тотальной культурной интервенции в центральноазиатское общество» (Абашин, 2008, с. 4). Однако, несмотря на мощную поддержку всеми государственными институтами политики тотальной культурной интервенции, в республике активно развивалась литература на казахском языке, которая и составляла основную часть литературного процесса советского колониального периода. Она представлена именами и произведениями поэтов и прозаиков Султанмахмута Торайгырова, Габита Мусрепова, Сабита Муканова, Мухтара Ауэзова, Ильяса Есенберлина, Гафу Қайырбекова и многих других. Тем не менее проникновение культуры-донора в культуру-реципиент, в том числе насильственная политика русификации привели к определенным культурным результатам, к которым нужно отнести возникновение в 50–60- годах казахской русскоязычной литературы. Она носит транскультурный, синкретический характер, сочетает в себе казахские, восточные, европейские и русские корни и, несмотря на это, предстает как вполне самостоятельное, зрелое, оригинальное культурное явление. С 70-х годов XX столетия русскоязычная литература начинает постепенно занимать все больше места в казахском литературном процессе, одновременно проникая в общий советский русский литературный мейнстрим. Абашин подчеркивает особую миссию литературы и писателя в советскую эпоху: «На протяжении советского периода литература оставалась наиболее идеологизированной и политизированной отраслью культуры. В республиках Центральной Азии воспроизводилась литературоцентрическая модель, которая была свойственна русской культуре начиная с XIX столетия и была усилена в советский период; в соответствии с данной моделью именно писатель оказывался центральной фигурой культуры, символическим посредником между народом и властью» (Абашин, 2008, с.34). Можно назвать центральные фигуры казахской русскоязычной литературы периода 60-х годов XX века – начала XXI века: Олжас Сулейменов – известный советский русскоязычный поэт, далее по хронологии – его ученик Бахытжан Канапьянов, прозаики Роллан Сейсенбаев, Дюсенбек Накипов, поэты Бахыт Кенжеев, Бахыт Каирбеков, Ербол Жумагулов и др. (см. Андрющенко, Абзуддинова, 2023).

Развитие русскоязычной литературы в конце XX – начале XXI века, т.е. в постколониальный период как части казахстанской литературы означает с точки зрения теории культурного трансфера начало этапа внедрения, или Insertion по Брандту. Этот этап характеризуется, как говорилось выше, полным доминированием культуры-донора над культурой-реципиентом. Таким образом, мы можем констатировать, что культурный трансфер в казахстанской литературе находится в начале этапа внедрения, или сращения (Kulturverflechtung), поскольку признаков полного доминирования культуры-донора в сфере литературы нами не отмечается. Литературный процесс в стране в постколониальный период представлен в первую очередь литературой на казахском языке, и только затем русскоязычными произведениями.

2. Творчество русскоязычных писателей и поэтов с точки зрения культурного трансфера

Рассмотрим более детально поэзию Бахытжана Канапьянова как результат трансфера двух культур, уже прошедших этап сосуществования и находящихся на этапах проникновения, столкновения и внедрения.

2.1. Этап «проникновения» (Permeabilität) культур

Анализ показывает, что в творчестве Канапьянова есть произведения, демонстрирующие этап «проникновения» (Permeabilität) в культурном трансфере. В пределах одного стихотворения автор соединяет две картины мира, две отличающиеся художественные системы – русскую и казахскую. Так построено стихотворение «Плывут облака» (1985). Эпиграф к нему – это цитата из произведения древней восточнославянской литературы «Слово о полку Игореве», из плача Ярославны, обращенного к ветру:

*«О ветер, ветрило, чему, господине, веешь навстречу?»
Плач Ярославны...*

Это обращение будет повторено и в середине как лейтмотив.

Лирический герой находится в поезде, затем выходит из него, перед ним – вековые степные просторы. Они дают герою ощущение исторической взаимосвязи восточных славян и тюрков: «Связи едины, незаменимы – вместе и в каждом живут».

*«Выйду из поезда – степь вековая на стороны света.
И – на земные края облака, облака оседают
И до синевы приподнимают эти земные края.
Стрелочник с сыном, клин журавлиный и молчаливый сурок,
Связи едины, незаменимы – вместе и в каждом живут.
О ветер, ветрило, чему, господине, веешь навстречу?»*

Поэт использует древнетюркский символ родины и родных степей – горький запах жусана, степной полыни. Хронотоп стихотворения расширен до веков и тысячелетий («многовековая стая», «древнею травой», «степь вековая»), а топос – до бесконечности («степь вековая на стороны света», «до синевы приподнимают эти земные края»).

*«Горькую горечь джусана вдыхая, пропаду за холмом.
И ветер развеет, как горсточку проса, мысли в пространстве,
Многовековая странствует стая – крылатые мысли.
– Скифы, спешите видеть того, чье слово было законом! –
Ветер возгласы носит из небытия, пали оковы.
Земля плачет древней травой, рельсы плач в бездну уводят.
Веселые птицы садятся на шпалы – и умирают.
По левую сторону я ухожу – и слышу стук сердца.
На правую сторону перехожу – спит бал бала с чашей.
И птичьим крылом я ладони сложу – и линию жизни
Вижу в ладони – будто с рожденья храню нить Ариадны» (Канапьянов, 2011б, с. 29).*

Различные исторические пласты – современность («поезд, рельсы, шпалы, стрелочник») и древность («плач Ярославны, бал бала с чашей, скифы») переплетаются в «крылатых мыслях» лирического героя, которые произвольно переносят его из одной исторической эпохи в другую («ветер носит из небытия») и наглядно показывают единые связи, которые «вместе и

в каждом живут». Стихотворение завершается общечеловеческим символом античного происхождения – *нитью Ариадны*. Это символ связи и непрерывности исторических судеб народов. Объединение в рамках одного стихотворения ярких национально значимых тюркских, классических античных и славянских символов обусловлено идейным замыслом Канапьянова – показать единство исторических связей, важных для каждого народа. Так своеобразно, для реализации идейного замысла, поэт использует транскультурность своего художественно-эстетического миропонимания.

С точки зрения поэтической техники это стихотворение основано на силлабическом стихосложении, в котором отсутствует рифма. Это типичный для казахского языка способ поэтической организации, основанный на константности ударения в слове – на последнем слоге, на слабой редуцированности неударных слогов. Все это препятствует использованию тонического способа стихосложения и традиционных для русского языка поэтических размеров. 18 строк стихотворения состоят из 17 слогов, разделенных цезурой после 11-го или 12-го слога; лишь 2-я строка состоит из 5 слогов. 5 или 6 слогов после цезуры устанавливают ритм завершения длинной строки неким коротким и, видимо, значимым выводом: «*Весе-лы-е-пти-цы-са-дя-тся-на-ша-лы / – и-у-ми-ра-ют*» = 12 слогов / 5 слогов. Несмотря на отсутствие рифмы, стихи имеют определённый ритм и элегантность, подчёркнутую равенством слогов и своеобразной цезурой, выполняющей функцию выделения смысла завершающей части строки. Цезура, помимо чисто ритмического выделения и паузы, поддерживается и пунктуацией – тире в 6-и строках и запятой в 8-и строках. Кроме того, в 15 строках используется клаузула – ударение на предпоследнем слоге конечного слова, т.е. в стихосложении определённым образом задействован и тонический фактор – ударение.

2.2 Культурное столкновение (Kulturzusammenstoß)

Взаимодействие культур-донора и реципиента осуществляется в творчестве Канапьянова не только на содержательно-тематическом уровне, но и на уровне поэтики и создания словесных микрообразов. Далее мы используем периодизацию культурного трансфера Биттерли, о которой говорилось выше, чтобы дополнить периодизацию Брандта. Биттерли выделял в качестве третьего этапа столкновение культур, результатом которого является генерация на русском языке традиционных казахских художественно-изобразительных средств, образов, поэтических символов, культурных кодов. Казахские поэтические образы облечены в форму русского языка, сохраняя при этом свою культурную специфику, их можно назвать транскультурными (Темиргазина, 2021, с. 32). David Chioni Moore пишет о двойственности постколониальных культур, отражающих столкновение культур донора и реципиента: «Культуры постколониальных стран характеризуются напряжением между желанием автономии и наследием зависимости, между стремлением к автохтонности и своим гибридным, постколониальным происхождением, между сопротивлением и сложностью, и между имитацией (мимикрией) и оригинальностью» (Moore, 2001, с.112).

Большая часть лирики Бахытжана Канапьянова представляет собой гибридные тексты и насыщена транскультурными метафорами, эпитетами и сравнениями: «*смуглая луна*», «*над горами звезд отара*», «*степное сердце*», «*в аркан затянут горизонт*», «*звуки арычной колыбельной*», «*попынная горечь разлуки*», «*птичья орда*», «*лунноглазые вечера*», «*звезда кочевая моя*», «*вечное кочевье поэта*» и т.п. Автор, хотя и пишет на русском языке, в его художественном

мире функционируют образы, символы, культурные коды, свойственные только казахской культуре, как, например, в «диссидентском стихотворении-поступке, в котором автор ставит диагноз поколению» (Крупко, 2021):

*«Позабытый мной с детства язык,
пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.
Я пойму неизвестного мне
уходящего аборигена.
Но когда я среди ночи во сне
перед предком склоняю колено.
Сознаю, что не верит он мне,
как пришельцу из тяжкого плена.
Усмехнется он в той стороне:
ты меня недостойная смена»* (Канапьянов, 2011а, с.93).

Идейная сторона стихотворения построена на ценностной антитезе «двуязычие – двуличие», поддержанной фонетическим созвучием двух слов. «Пресловутое двуязычие» лишает человека своего лица, он становится двуличным. Здесь зашифрован казахский культурный код: потеря лица означает потерю чести. «В казахском языке человек, опорочивший свою репутацию, или бессовестный именуется как ‘человек без лица’ – «бетсіз» (Каукенов, 2021). В этом отношении многие восточные культуры обнаруживают сходство. Так, например, исследователь поясняет сходство кодов, связанных с категорией лица, в китайской и казахской культурах: «В частности, потеря чести определяется как потеря «лица», что является неприемлемым с точки зрения общественной морали. В культуре обоих народов «потеря лица» перед окружающими является крайне недопустимым событием, также как и крайне неприлично допустить чье-то падение «лица» (Каукенов, 2021; см. также об этом: Matsumoto, 1988).

Поэт ощущает глубокое чувство вины за то, что «с детства позабыл родной язык», т.е. потерял свое лицо и честь. Он понимает, что несет ответственность перед предками и будущими поколениями. Ответственность перед предками («аруактар») – это очень важный для мировоззрения казахов национальный культурный код, имеющий древнетюркские корни. Сакральный культ предков-аруактар сохраняет свою актуальность и значимость до сих пор: казахи и сейчас почитают культ аруактар. Поэту тяжело сознавать, что предки осудят его за «потерю лица» и не поверят ему, сочтя недостойной сменой. Здесь важен биографический факт: ведь Канапьянов является прямым потомком Шокана Валиханова, аристократа-чингизида, выдающегося казахского ученого, антрополога, путешественника XIX века. Значит, ответственность поэта перед своим знаменитым предком-аруаком возрастает многократно. Стихотворение посвящено Шоте Валиханову, еще одному потомку Шокана Валиханова, т.е. тема предков, ответственности перед ними обозначается поэтом явно и непосредственно. Он называет себя «пришельцем из тяжкого плена» – из советской действительности.

В интервью журналисту Гульнаре Танкаевой на вопрос о проблеме казахского языка, поставленной им в этом стихотворении, Канапьянов говорил следующее:

«– Если вернуться к казахскому языку: проблема “позабытого с детства...” за те же 25 лет никуда не ушла.

– Думаю, что каждый гражданин Республики Казахстан в первую очередь сам должен решать эту проблему, а затем уже и институты власти и государства. Было время, и все мы это время помним, когда в Алма-Ате была одна только казахская школа и один казахский интернат. Помним и то, какой был поднят шум по поводу открытия казахского детского садика “Балдырган”.

Все глухо шумели о национализме. Да и опять-таки статистические данные того периода были другими – до тридцати процентов коренного населения. Конечно, при таких обстоятельствах и рождаются стихи подобного рода» (Танкаева, 2017).

2.3 Этап внедрения (Insertion) в культурном трансфере

Бахытжан Канапьянов хорошо знал русскую литературу, учился в Москве: сначала на двухлетних режиссерских курсах, потом с 1981 года на Высших литературных курсах в Литературном институте имени М. Горького. В некоторых произведениях он рассказывает об этом периоде жизни. Поэтика и художественный строй многих стихотворений Канапьянова ничем не отличается от произведений русских авторов. Они являются результатом полного внедрения культуры-донора в культуру-реципиент в творчестве отдельного поэта. Тексты этих стихотворений не являются гибридными, не имеют признаков транскультурности, в них воплощена монокультурная картина мира, т.е. произошло слияние и поглощение казахской поэтической культуры русской.

Так, например, в стихотворении «В этом мире, пустом и безумном...» (1991) поэт мастерски использует типичные для русской и европейской поэзии образы, метафоры, эпитеты: «чистый образ в оправе окна», «в сиянии лунном», «одарила нас щедро природа», «вечная любовь», «земные дары», создав прекрасное лирическое творение:

*«В этом мире, пустом и безумном,
Чист твой образ в оправе окна.
Даль распахнута в трепете юном,
С ней сроднится в сиянии лунном
Только вкус молодого вина.*

*Одарила нас щедро природа,
Мы не ценим ее до поры.
Ко всему переменчива мода,
Только вечны любовь да свобода,
Да под осень земные дары»* (Канапьянов, 2011б, с.168)

Первые две строки, несомненно, содержат аллюзию и вызывают в памяти читателей стихотворение А.А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908), в котором образ любимой предстает единственной путеводной звездой «на горестной земле»:

*«О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе».*

Так, и у Бахытжана Канапьянова единственная опора и надежда в «пустом и безумном мире» – чистый образ любимой «в оправе окна». Эпитет «чистый» в описании женского образа типичен для классической русской поэтической традиции. Его можно найти в стихотворениях В.А. Жуковского «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», посвященных «гению чистому красоты», в произведении А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», где образ любимой появляется как «гений чистой красоты» и т.п.

Хотя Канапьянов предпочитает использовать силлабическую технику стихосложения, распространенную в казахском языке, но в этом произведении он использует силлабо-тоническую технику с ее обязательным акцентированием рифмы, определенного размера, способа рифмовки. Силлабо-тоника характерна для русской поэзии. В анализируемом стихотворении, состоящем из двух пятистиший со способом рифмовки АБААБ, применен трехстопный хорей, иногда с «утяжеленными» стопами. Поэт демонстрирует прекрасное знание русской культуры, литературы, владение русской поэтической техникой и художественной образностью, выступая здесь как монокультурная творческая личность. Можно уверенно утверждать, что вряд ли кто-либо по художественной стилистике, поэтике, образной системе, стихотворной технике заподозрит «нерусское» авторство этого произведения.

Таблица. Взаимосвязь казахстанского литературного процесса с этапами культурного трансфера

	Период в истории Казахстана	Хронологические рамки	Этапы культурного трансфера	Отражение в казахстанском литературном процессе
1	Колониальный период	Середина XIX в. – 50-е гг. XX в.	Этап сосуществования (Konvivenz)	Казахская литература (Абай, С. Торайгыров, С. Муканов, Г. Мусрепов, М. Ауэзов и др.)
		Вторая половина XIX века – 1991 г.	Этап проникновения (Permeabilität) и столкновения (Kulturzusammenstoß)	Наряду с казахоязычной литературой, получила развитие транскультурная русскоязычная литература (О. Сулейменов, Б. Канапьянов, Р. Сейсенбаев, Б. Кенжеев, Б. Каирбеков, Г. Бельгер и др.).
2	Постколониальный период	1991 – 2024 гг.	Этап внедрения (Insertion)	Развитие русскоязычной литературы (Д. Накипов, Е. Жумагулов, М. Зверев, Р. Жуманова и др.)

Заключение

В казахской русскоязычной литературе на протяжении столетия осуществляется динамический процесс культурного трансфера. Начавшись с этапа сосуществования во второй половине XIX века и до 30-х годов XX века,

культуры донора и реципиента проходят этапы проникновения, столкновения и внедрения, причем предпоследний и последний этапы продолжаются. Основные элементы культуры-реципиента (сакральные коды, традиции, обычаи, ментальность, мировосприятие) с трудом поддаются ассимиляции и поглощению культурой-донором, сталкиваются с ней, меняют форму выражения, например, язык, но сохраняют свои сущностные характеристики (Темиргазина, Андрющенко и др., 2023). Казахские литераторы, приспосабливаясь под давлением социальных институтов государства-посредника (Mittelgruppe) к культуре-донору, мимикрировали под нее, используя русский язык, русские литературные традиции как формальные средства своего творчества. Они создавали свои произведения на русском языке, тем не менее оставаясь носителями казахской культуры, национальной картины мира, воплощенной средствами русского языка. Так они создавали особую языковую картину мира, формально принадлежащую русскому языку, но в содержательно-смысловом плане отражающую симбиотическую концептуализацию мира носителем иной национальной картины мира.

В творчестве казахского русскоязычного поэта Бахытжана Канапьянова можно проследить динамику русско-казахского культурного трансфера, его результаты на различных этапах. Тематика и проблематика его произведений, несомненно, связана с жизненно важными для казахского народа вопросами: голодомором 20–30-х годов XX века; атомными испытаниями на территории Казахстана, превратившими страну в ядерный полигон СССР; угрозой утраты собственной идентичности, истории и родного языка; русификацией и т.п. В мировоззренческом плане Канапьянов, несомненно, остается казахским поэтом, которого волнуют животрепещущие проблемы своего народа. Несмотря на то, что часть его творчества представляет собой талантливую мимикрию под русскую поэзию, большая часть произведений носит транскультурный характер, сохраняющий неизменными казахские духовные традиции, сакральные культурные коды. Более того, в его поэзии прослеживаются другие культурные традиции, оказавшие влияние на художественную философию и эстетику его произведений. Так, поэту близки японские поэтические традиции, особенно в пейзажной лирике, в которой он следует японской культурной традиции «сан суй» («горы – вода») и использует философию «красоты мгновения». Таким образом, поэзия Канапьянова может быть примером восприятия, своеобразной переработки различных культурных традиций и превращения их в оригинальные творения.

Благодарность. Исследование финансировано Комитетом науки Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан, грант ИРН № AP23487222 «Транскультурная русскоязычная литература Казахстана как часть мирового литературного мейнстрима».

Список использованной литературы

- Абашин С. Н. *Культурные процессы и транскультурные влияния в современной Центральной Азии*. Москва, 2001. URL: https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/9b2d81a4-074e-4ef9-a086-31b972bc79bc/russian_20090515_0.pdf (дата обращения: 12.10.2024)
- Андрющенко О.К., Абзулдинова Г.К. Мировоззренческие и философско-нравственные особенности романа Р.Ш. Сейсенбаева «Отчаяние, или Мертвые бродят в песках». *Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі / Язык и литература: теория и практика*. 2023. № 4. С. 6–14. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-6-14>.

- Канапьянов Б. *Избранное*. В 2 т. Т. 1. Алматы: ИД “Жибек жолы”, 2011а.
- Канапьянов Б. *Избранное*. В 2 т. Т. 2. Алматы: ИД “Жибек жолы”, 2011б.
- Каукенов А. *Сходство и различие казахской и китайской культур*. 2021. URL: <https://zonakz.net/2021/09/20/sходstvo-i-razlichie-kazaxskoj-i-kitajskoj-kultur> (дата обращения: 26.10.2024).
- Крупко И. «Стихи не подвластны преградам»: самобытность и уникальная поэзия Бахытжана Канапьянова. В: *Казахстанская правда*. 1 октября 2021. URL: <https://kazpravda.kz/n/stihi-ne-podvlastny-pregradam-samobytnost-i-unikalnaya-poeziya-bahytzhana-kanapjanova/> (дата обращения: 26.10.2024).
- Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж, Самарканд: МИЦАИ, 2013.
- Мустафаев, Ш., Эспань, М., Горшенина, С., Рапэн, К., Бердимуратов, А., Гренэ, Ф. Теория «культурного трансфера» в приложении к Центральной Азии. В: *Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути*. Париж, Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 11–15.
- Танкаева, Г. (2017). *Бахытжан Канапьянов: Это мой путь...* Четверг, 23 февраля. URL: https://ratel.kz/raw/bahytzhan_kanapjanov_eto_moj_put (дата обращения: 20.10.2024).
- Темиргазина, З.К. (2021). Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов. *Вестник РУДН. Полилингвальность и транскультурные практики*, 18(1), 29–43. (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>
- Темиргазина, З.К., Андрущенко, О.К. и др. (2023). Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева – поэта азиатского фронта. *Oriental Studies*, 16(1), 232–244. (in Russ.). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244>
- Brandt, H. (2003). *Die Heilige Barbara in Brasilien. Kulturtransfer und Synkretismus*. Bd. 105. Erlangen, Erlangen Univ. Verlag. Erlangen Forschungen Reihe A, Geisteswissenschaften. (in Germ.).
- Bitterli, U. (1991). *Die Wilden und die Zivilisierten: Grundzuge einer Geistes- und Kulturgeschichte der europaisch-uberseeischen Begegnung*. 2, durchges. und um einen bibliogr. Nachtr. erw. Aufl., Munchen: Beck. (in Germ.).
- Espagne, M., Werner, M. (Hg.) (1988). *Transferts. Les Relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)*. Paris: Editions Recherches sur les Civilisations, 11–34. (in French).
- Greenblatt, S.J. (2009). *Cultural Mobility: A Manifesto*. Harvard University.
- Matsumoto, Y. (1988). Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. *Journal of pragmatics*, 12(4), 403–426. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(88\)90003-3](https://doi.org/10.1016/0378-2166(88)90003-3)
- Middell, M. (2000). Einleitung: Archiv und interkulturelles Gedächtnis. *Archiv und Gedächtnis: Studien zur interkulturellen Überlieferung*. Bd 13. Leipzig: Leipziger Univ.–Verlag. Deutsch-französische Kulturbibliothek. (in Germ.).
- Mitterbauer, H. (2003). *Die Netzwerke des Franz Blei. Kulturvermittlung im frühen 20. Jahrhundert*. Tübingen, Basel: Francke. (in Germ.).
- Moore, D.Ch. (2001). Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *Publications of the Modern Language Association of America*, 116(1), 111–128.

References

- Abashin, S.N. (2001). *Kul'turnyye protsessy i transkul'turnyye vliyaniya v sovremennoy Tsentral'noy Azii* [Cultural Processes and Transcultural Influences in Contemporary Central Asia]. Moskva. Retrieved 12 October 2024 from https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/9b2d81a4-074e-4ef9-a086-31b972bc79bc/russian_20090515_0.pdf (in Russ.).
- Andryuchshenko, O.K. & Abzuldinova, G.K. (2023). Mirovozzrencheskiye i filosofskoonravstvennyye osobennosti romana R.Sh. Seisenbayeva "Otchayaniye, ili Mertvyey brodyat v peskakh" [Ideological and Philosophical-Moral Features of the Novel by R.Sh. Seisenbaev "Despair, or the Dead Wander in the Sands"]. *Yazyk i literatura: teoriya i praktika/ Language and Literature: Theory and Practice*, 4, 6–14. (in Russ.) <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-6-14>.
- Brandt, H. (2003). *Die Heilige Barbara in Brasilien. Kulturtransfer und Synkretismus* [Saint Barbara in Brazil. Cultural Transfer and Syncretism]. Bd. 105. Erlangen, Erlangen Univ. Verlag. Erlangen Forschungen Reihe A, Geisteswissenschaften. (in Germ.).
- Bitterli, U. (1991). *Die Wilden und die Zivilisierten: Grundzuge einer Geistes- und Kulturgeschichte der europaisch-uberseeischen Begegnung* [The Savages and the Civilized: Outlines of an Intellectual and Cultural History of the European-Overseas Encounter]. 2, durchges. und um einen bibliogr. Nachtr. erw. Aufl., Munchen: Beck. (in Germ.).
- Espagne, M., Werner, M. (Hg.) (1988). *Transferts. Les Relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)* [Transfers. Intercultural Relations in the Franco-German Space (18th and 19th Centuries)]. Paris: Editions Recherches sur les Civilisations, 11–34. (in French).
- Greenblatt, S.J. (2009). *Cultural Mobility: A Manifesto*. Harvard University.
- Kanap'yanov, B. (2011a). *Izbrannoye* [Selected Works]. V 2 t. T. 1. Almaty: ID "Zhibek zholy". (in Russ.).
- Kanap'yanov, B. (2011b). *Izbrannoye* [Selected Works]. V 2 t. T. 2. Almaty: ID "Zhibek zholy". (in Russ.).
- Kaukenov, A. (2021). *Skhodstvo i razliche kazakhskoy i kitayskoy kul'tur* [Similarities and differences between Kazakh and Chinese cultures]. Retrieved 26 October 2024 from <https://zonakz.net/2021/09/20/sходство-i-различие-kazaxskoj-i-kitajskoj-kultur> (in Russ.).
- Krupko, I. (2021). "Stikhi ne podvlastny pregradam": samobytnost' i unikal'naya poeziya Bakhytzhana Kanap'yanova ["Poems are not subject to barriers": the originality and unique poetry of Bakhytzhan Kanap'yanov]. In: *Kazakhstanskaya pravda*. 1 oktyabrya. Retrieved 26 October 2024 from <https://kazpravda.kz/n/stihi-ne-podvlastny-pregradam-samobytnost-i-unikalnaya-poeziya-bahytzhana-kanapyanova/> (in Russ.).
- Kul'turnyy transfer na perekrestkakh Tsentral'noy Azii: do, vo vremya i posle Velikogo Shelkovogo puti [Cultural Transfer at the Crossroads of Central Asia: Before, During, and After the Great Silk Road]. (2013). Parizh, Samarkand: MITSAI. (in Russ.).
- Matsumoto, Y. (1988). Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. *Journal of pragmatics*, 12(4), 403–426. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(88\)90003-3](https://doi.org/10.1016/0378-2166(88)90003-3)
- Middell, M. (2000). Einleitung: Archiv und interkulturelles Gedachtnis [Introduction: Archives and intercultural memory]. *Archiv und Gedächtnis: Studien zur*

- interkulturellen Überlieferung*. Bd 13. Leipzig: Leipziger Univ.–Verlag. Deutsch-französische Kulturbibliothek. (in Germ.).
- Mitterbauer, H. (2003). *Die Netzwerke des Franz Blei. Kulturvermittlung im frühen 20. Jahrhundert* [Franz Blei's Networks: Cultural Mediation in the Early 20th Century]. Tübingen, Basel: Francke. (in Germ.).
- Moore, D. Ch. (2001). Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *Publications of the Modern Language Association of America*, 116(1), 111–128.
- Mustafaev, Sh., Espagne, M., Gorshenina, S., Rapen, K., Berdimuradov, A., & Grene, F. (2013). Teoriya “kul’turnogo transfera” v prilozhenii k Tsentral’noy Azii [The Theory of “Cultural Transfer” as Applied to Central Asia]. In: *Kul’turnyy transfer na perekrestkakh Tsentral’noy Azii: do, vo vremya i posle Velikogo shelkovogo puti*. Parizh, Samarkand: MITSAI, 11–15. (in Russ.)
- Tankaeva, G. (2017). Bakhytzhan Kanap’yanov: Eto moy put’... [Bakhytzhan Kanapyanov: This is My Path...]. Chetverg, 23 fevralya. Retrieved 20 October 2024 from https://ratel.kz/raw/bahytzhan_kanapjanov_eto_moj_put (in Russ.)
- Temirgazina, Z.K. (2021). Transkul’turnost’ i yeye proyavleniye v poetike liricheskikh tekstov [Transculturality and its manifestation in the poetics of lyrical texts]. *Vestnik RUDN. Polilingvial’nost’ i transkul’turnyye praktiki*, 18(1), 29–43. (in Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43>
- Temirgazina, Z.K., Andryuchshenko, O.K. et al. (2023). Spetsifika oriyentalistskikh motivov v tvorchestve Pavla Vasilieva – poeta aziatskogo frontira [Specificity of orientalist motifs in the works of Pavel Vasiliev – a poet of the Asian frontier. *Oriental Studies*.]. *Oriental Studies*, 16(1), 232–244. (in Russ.). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244>

О.К. Андриющенко

Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университетінің
Павлодар, Қазақстан Республикасы

Г.А. Орынханова

Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті
Алматы, Қазақстан Республикасы

МӘДЕНИ ТРАНСФЕР НӘТИЖЕСІНДЕ ОТАРЛЫҚ ЖӘНЕ ПОСТОТАРЛЫҚ ҚАЗАҚСТАН ӘДЕБИЕТІНДЕГІ ТРАНСМӘДЕНИЕТТІЛІК

Аңдатпа. Мақалада орыстілді қазақ әдебиеті негізінде мәдени трансфер мәселесі зерттеледі. Ол Ресей мәдениетінің Қазақстан мәдениетіне отарлық және постотарлық ықпалының нәтижесі болып табылады. Г. Брандт пен У. Биттерлидің кезеңдеуіне сүйене отырып, орыстілді қазақ ақыны Бақытжан Қанапияновтың шығармашылығының мысалында мәдени трансфердің әртүрлі кезеңдері қарастырылады. Оның поэзиясында мәдени трансфердің бірнеше үдерісінің нәтижелері байқалады: мәдениеттердің енуі, қақтығысы және енгізуі. Донор мәдениеті мен реципиент мәдениетінің қақтығысы нәтижесінде ақынның шығармашылығында гибридті мәтіндер бар. Олар орыс тілінде жазылғанымен, қазақ мәдениетінің бейнелілігін, поэтикалық дәстүрлерін және эстетикасын сақтайды. Енгізу кезеңінде реципиент мәдениетінің негізгі құрылымдары эрозияға ұшырап, ақырында олардың бұзылуы орын алады. Осы кезеңдегі Қанапиянов шығармалары негізінен донор мәдениетінің элементтерін жеткізетін мономәдениетті болып

табылады. Қанапияновтың кейбір шығармалары трансмәдениеттік сипаттағы гибридті мәтіндер, яғни ақынның синкретті қазақ-орыс дүниетанымынан туындаған. Қанапияновтың басқа бірқатар шығармалары донор мәдениетіне еліктеудің нәтижесі болып табылады, онда ақынның көркемдік санасы қабылдаған орыс дүниетанымы көрініс табады. Мақалада сондай-ақ отарлық және постотарлық кезеңдегі мәдени трансфер үдерістерінің ықпалын бастан кешірген басқа да қазақстандық жазушылардың шығармашылығы қарастырылады.

Түйінді сөздер: мәдени трансфер, орыстілді қазақ әдебиеті, Бақытжан Қанапиянов, трансмәдениеттілік, отарлық және постотарлық кезең.

O.K. Andryuchshenko

*Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan
Pavlodar, Republic of Kazakhstan*

G.A. Orynkhanova

*Kazakh National Women's Teacher Training university
Almaty, Republic of Kazakhstan*

TRANSCULTURALITY IN COLONIAL AND POSTCOLONIAL KAZAKHSTANI LITERATURE AS A RESULT OF CULTURAL TRANSFER

Abstract. This article explores cultural transfer based on the material of Kazakh Russian-language literature. It is a result of the colonial and postcolonial influence of Russian culture on the culture of Kazakhstan. Based on the periodization of G. Brandt and U. Bitterli, various stages of cultural transfer are analyzed through the works of the Kazakh Russian-language poet Bakhytzhan Kanapyanov. His poetry reveals the outcomes of several cultural transfer processes: cultural penetration, confrontation, and integration. In the confrontation between the donor culture and the recipient culture, the poet's work generates hybrid texts written in Russian while preserving the imagery, poetic traditions, and aesthetics of Kazakh culture. At the stage of integration, the core structures of the recipient culture undergo erosion and, ultimately, destruction. Kanapyanov's works from this period are monocultural, primarily conveying elements of the donor culture. Some of Kanapyanov's works represent hybrid texts of a transcultural nature, meaning they are generated by the poet's syncretic Kazakh-Russian worldview. Another part of Kanapyanov's works results from mimicry of the donor culture, reflecting the Russian worldview as perceived by the poet's artistic consciousness. The article also examines the works of other Kazakhstani writers from the colonial and postcolonial periods who experienced cultural transfer processes.

Keywords: cultural transfer, Kazakh Russian-language literature, Bakhytzhan Kanapyanov, transculturality, colonial and postcolonial period.

Вклад авторов

Андрющенко О.К. – концептуализация, формальный анализ, методология, написание – обзор и редактирование.

Орынханова Г.А. – методология, программное обеспечение, роли/письмо – первоначальный проект, написание.